

Настроение Ли Тана было превосходным на протяжении всех вечерних занятий, словно он принял волшебную таблетку, от которой нога перестала болеть, а руки наполнились энергией. Закончив распечатывать конспекты лекций по грамматике в учительской, он даже взял у директора стопку писем-уведомлений для родителей и принес их в класс.

Староста класса, Ли Цычу, раздал письма. Он быстро пролистал их, прежде чем выражение его лица изменилось.

Ли Тан уже закончил раздавать конспекты лекций и пришел посмотреть. В этих родительских письмах, помимо напоминания родителям о необходимости уделять пристальное внимание учебе своих детей в этот критический момент второго года обучения, также сообщалось о предстоящем родительском собрании в субботу днем.

Услышав эту новость, Ли Тан почувствовал, как сердце его дрогнуло. Ли Юаньшань большую часть времени проводил в столице и, вероятно, был слишком занят, чтобы присутствовать на такой «неважной» встрече. Более того, хотя результаты ежемесячных экзаменов Ли Тана и улучшились, они все еще были далеки от выдающихся. Согласно строгим стандартам Ли Юаньшаня, он наверняка подвергнет Ли Тана резкой критике и посоветует ему не тратить силы напрасно, а как можно скорее готовиться к учебе за границей.

Что касается Чжан Чжаоюэ... ее здоровье в последнее время значительно улучшилось, и она выглядела гораздо энергичнее, часто спускаясь вниз, чтобы поесть с Ли Таном. Но она по-прежнему редко выходила из дома; было неизвестно, готова ли она прийти в школу.

Конечно, ни один ученик не обрадуется родительскому собранию. После того, как были разосланы объявления, атмосфера в классе во время вечерних занятий была напряженной: никто не разговаривал и не смеялся на переменах, словно боялись, что учителя увидят их и доложат родителям.

После окончания вечерних занятий Ли Тан медленно направился к западным воротам школы, все еще чувствуя себя немного подавленным, когда встретил Цзян Лу.

Цзян Лу предположил, что нога у него все еще болит, и спросил, не хочет ли он, чтобы его отнесли на автобусную остановку. Ли Тан в шоке отпрянул.

— Нет, спасибо. Тут повсюду ходят люди.

По дороге Ли Тан, все еще потрясенный, бормотал:

— Я довольно тяжелый. У тебя руки не болят?

Цзян Лу искоса взглянул на него:

— Ты забыл, чем я зарабатываю на жизнь?

Ли Тан вдруг понял. Бокс требовал не только ловкости, но и абсолютной силы.

Сидя в углу задней части автобуса, Ли Тан держал Цзян Лу за руку и внимательно наблюдал за ним, заметив несколько едва заметных мозолей на костяшках его пальцев.

Он не мог не чувствовать грусти. Таким красивым рукам следовало бы держать ручки и палочки для еды, а не истязать себя необходимостью выживания.

Если бы его родители были живы, они бы наверняка с нетерпением ждали родительского собрания, не так ли? Ли Тан подумал: «Должно быть, это огромная радость, когда ребенок занимает пятое место во всей школе».

Цзян Лу не знал, о чем думал Ли Тан.

С его точки зрения, Ли Тан опустил голову, обнажив свою тонкую белую шею, демонстрируя ему с полным доверием свою самую уязвимую часть.

Внезапно он поднял голову, его водянистые глаза посмотрели вверх, полные предвкушения.

Ли Тан наконец вспомнил их разговор перед сном несколько дней назад.

— На кого я похож? Ты мне еще не сказал.

Цзян Лу улыбнулся, но ничего не ответил. Ли Тан пощекотал его ладонь, но тот не сдался.

Не в силах сдержаться, Ли Тан немного пошевелил мозгами и тайком отправил Цзян Лу случайное сообщение. Как только Цзян Лу достал телефон и открыл WeChat, Ли Тан тут же наклонился, чтобы посмотреть.

В WeChat Цзян Лу использовал для Ли Тана прозвище «Маленький лисенок».

Ли Тан сначала не понял.

— В каком месте я похож на лиса?

Цзян Лу пристально посмотрел на него, заставив Ли Тана что-то осознать и поднять руку, чтобы коснуться уголков его глаз.

Ли Тану на самом деле не нравились его собственные глаза, поскольку его раскосые глаза всегда, казалось, были наполнены неиссякаемым лукавством и кокетством. В детском саду, когда проводили кастинг, его выбрали на роль Белоснежки из-за светлой кожи. Однако один мальчик поднял руку и предложил воспитательнице, что Ли Тан больше подошел бы на роль злой королевы, поскольку у всех злодеек в сказках глаза раскосые.

Хотя глаза Ли Тана были лишь слегка приподняты и не считались традиционно «злодейски свирепыми», раскосыми глазами, в сочетании с его довольно мягким характером, он всегда выглядел ошеломленным, когда кто-то называл его по имени, а его речь была медленной, поэтому его нельзя было считать хитрым.

Но он не знал, что каждый раз, когда он плакал или сразу после поцелуя, глаза, слегка изогнутые у внешних уголков, всегда становились красными, затуманенными и влажными, отчего он выглядел крайне жалким.

Было непреодолимое желание издеваться над ним.

Например, прямо сейчас, когда Ли Тан осознал происхождение этого прозвища, уши у него мгновенно покраснели.

Он перестал задавать вопросы, отвернулся и сделал вид, что не замечает ничего, наблюдая за окном, но чутко заметил, что человек, сидевший рядом с ним, наклонился ближе.

Теплые губы коснулись его слегка горячей мочки уха, вызвав в его теле более сильную реакцию, чем статическое электричество.

Из-за плохого слуха Цзян Лу Ли Тан всегда держался справа от него, когда они были вместе, и оставался довольно близко.

Так же, как и сейчас, Цзян Лу наклонился к лицу Ли Тана, его теплое дыхание проникало в его ушной канал струями.

Он прошептал:

— Маленький лисенок.

День родительского собрания выдался солнечным.

Занятия заканчивались после двух уроков во второй половине дня, что позволяло учащимся заниматься по своему усмотрению или возвращаться домой.

Ли Тан не вернулся первым, а остался ждать у школьных ворот.

Чжан Чжаоюэ обещала прийти, но ему было не по себе, он все время вспоминал, как он ждал внизу в доме преподавателя игры на фортепиано, а Чжан Чжаоюэ так и не пришла.

Цзян Лу, оставшись без родителей, вернулся рано. Ли Цычу тоже собрал рюкзак, чтобы уйти пораньше, но, к несчастью, столкнулся у школьных ворот с матерью и отчимом.

Хо Сичэнь тоже не смог убежать: отец тянул его за рюкзак, удерживая. Проходя мимо, Ли Тан услышал, как отец яростно ругает его:

— Я же говорил тебе учиться у Цычу, а ты только и делаешь, что балуешься. Я тебя почти не вижу. Вот только подожди, пока мы доберемся до дома, я тебя до смерти забью!

Мать Ли Цычу пыталась убедить его:

— Сичэнь — хороший ребенок. Разве он не вернулся к тебе на прошлый день рождения? Если ты будешь так с ним обращаться, он больше не посмеет вернуться домой.

Хо Сичэнь, ростом почти 1,9 метра, опустил голову, словно ребенок, совершивший ошибку. Ли Цычу, которому положено быть примером для подражания, тоже выглядел недовольным, стоя с расфокусированным взглядом, словно погрузившись в свои мысли.

Смешанная семья из четырех человек сама по себе была неловкой, а если добавить сюда сложные отношения между двумя детьми, то Ли Тан почувствовал, что ситуация безнадежно сложна.

К счастью, не ему об этом беспокоиться. Ли Тан решил последовать совету Цзян Лу и заняться своими делами, меньше беспокоясь о других. Поэтому он отвел взгляд и продолжил наблюдать за проезжающими машинами.

На этот раз ждать долго не пришлось. За десять минут до начала родительского собрания Ли Тан увидел, как его семейная машина подъехала и медленно остановилась у школьных ворот.

Дверь открылась, и с заднего сиденья вышла Чжан Чжаоюэ, одетая в длинное коричневое пальто.

Ли Тан лично отвел мать в класс и усадил ее на свое место.

Согласно требованию учителя, контрольные работы с прошлого ежемесячного экзамена уже были разложены на столе. Ли Тан намеренно положил наверх работу по английскому языку, гордо показав Чжан Чжаоюэ:

— На этот раз я занял первое место по английскому.

Чжан Чжаоюэ пролистала листы и улыбнулась:

— Очень хорошо.

Пролистав дальше, Ли Тан немного смутился.

— ...Математика здесь сложнее, чем в столице. Я наверстываю упущенное.

Чжан Чжаоюэ кивнула:

— Не торопись, не торопись.

Родители постепенно заняли свои места, быстро заполнив класс.

Ли Тан собирался уходить, когда, обернувшись, увидел, как Чжан Чжаоюэ повернулась, чтобы посмотреть на заднюю парту.

Ли Тан проследил за ее взглядом. Это было пустое место Цзян Лу, на столе не было ни одного экзаменационного листа.

Сердце его необъяснимо сжалось. Ли Тан с трудом сохранял самообладание, оглядываясь, выходя из класса. Чжан Чжаоюэ уже отвела взгляд и продолжала листать его работы.

Успокоившись, Ли Тан почувствовал, что реагирует слишком остро.

Даже Ли Цычу не знал о его отношениях с Цзян Лу. Как это могло дойти до его семьи?

Поэтому, когда родительское собрание закончилось и родители собрались вокруг информационного стенда у школьных ворот, среди которых была и Чжан Чжаоюэ, Ли Тан не придал этому большого значения.

Он тоже подошел посмотреть. Почетный список старшей школы № 1 Сюйчэна был разделен на две части. В одной части имена учеников, занимавших места после 30-го, были плотно запечатаны на одном листе бумаги. Тридцать лучших учеников занимали большую часть доски объявлений, где над каждым лучшим учеником, помимо имени и класса, была прикреплена фотография, чтобы другие ученики могли ею «любоваться».

А Чжан Чжаоюэ сидела впереди, что позволяло ей видеть Цзян Лу, занимавшего пятое место в рейтинге, и его серьезную, но обаятельную фотографию.

Даже Ли Тан был очарован. Цзян Лу, согласно расхожему мнению, принадлежал к типу людей

с выдающимся носом и глубоко посаженными глазами, с выраженным овалом лица, который только подчеркивал его достоинства на камеру, настолько ошеломляя, что люди просто замирали от восторга.

Однако Ли Тан по-прежнему считал, что сам Цзян Лу был привлекательнее, чем на фотографии, особенно когда он улыбался.

Полюбовавшись некоторое время, Ли Тан сказал матери:

— Пойдем домой.

По совпадению, Чжан Чжаоюэ повернула голову, и мимолетный зрительный контакт позволил Ли Тану увидеть слезы на ее глазах.

Вернувшись домой после ужина, Ли Тан вернулся в свою спальню и позвонил Цзян Лу.

В основном он рассказал о содержании родительского собрания:

— Учитель больше ничего не сказал, кроме того, что родителям следует уделять больше внимания учебе своих детей. Психологическое состояние экзаменующихся имеет первостепенное значение. Также были названы имена нескольких учеников, чьи оценки на ежемесячных экзаменах ухудшились, и было сказано, что если они продолжат падать, им придется перейти в обычный класс... Тебя это не касается, ты же пятый в классе.

Цзян Лу ответил простым «хм», по-видимому, не проявляя интереса к этим банальным замечаниям.

Затем Ли Тан сменил тему:

— Я только сегодня узнал, что школа добавила фотографии тридцати лучших учеников на доску почета.

— Да?

— Ты тоже не видел?

— Нет.

— Ты отлично выглядишь на этом фото, — с некоторой завистью сказал Ли Тан. — Многие на тебя смотрели, даже моя мама тоже на тебя пялилась.

На другом конце провода повисло молчание, а затем Цзян Лу ответил таким же бесстрастным тоном:

— Вот как.

Позже, по дороге домой, Ли Тан спросил мать, почему она заплакала. Чжан Чжаоюэ объяснила, что это потому, что она долго не выходила на улицу, и солнечный свет резал ей глаза.

Пребывание в одиночестве дома также легко приводило к депрессии. Поэтому Ли Тан попросил у Цзян Лу «отгул» и сказал:

— Я завтра к тебе не приду. У мамы медицинский осмотр, и я ее провожу.

— Хм.

— Ты хорошо отдохни дома, не ходи в зал, ладно? Ты же только в пятницу вечером туда ходил.

— Хм.

Поднеся телефон к другому уху, Ли Тан прикусил губу и тихо спросил:

— Я смогу увидеть тебя только послезавтра... Ты будешь скучать по мне?

Во время конфетно-букетного периода в отношениях разлука действительно заставляла сердца любить сильнее, и Ли Тан не был исключением.

Он знал, что Цзян Лу не из тех, кто слишком навязчив, но ему все равно хотелось спросить.

К счастью, ответ с другой стороны пришел быстро.

— Конечно, буду скучать, — сказал Цзян Лу, повысив голос. — Конечно, я буду скучать по тебе.

На следующий день температура воздуха составила 3°C, и шел небольшой дождь.

Воздух был немного душным. Сидя в зале ожидания частной больницы, Ли Тан время от времени поглядывал на отображаемую на стене температуру в режиме реального времени, чувствуя, что сегодня на нем было слишком много одежды.

Чжан Чжаоюэ приходила туда на плановый осмотр, который обычно занимал не менее

половины дня.

На этот раз все было сложнее. Поскольку предыдущие обследования проходили в столичных больницах, новый врач, принявший ее, был не знаком с ее состоянием. Опасаясь ошибиться, он добавил несколько пунктов, включая скрининг онкомаркеров.

Из-за этого работа заняла больше времени. Утром они не закончили, поэтому Ли Тан и Чжан Чжаоюэ пообедали неподалеку, прежде чем вернуться в больницу.

Некоторые результаты анализов не удалось получить в тот же день. Основываясь на имеющихся отчетах, врач посчитал, что здоровье Чжан Чжаоюэ идет на поправку, но ей все еще необходимо принимать лекарства в течение некоторого времени и обеспечить себе достаточный покой.

По дороге домой машина сильно нагрелась, и Ли Тану пришлось снять куртку.

Глядя вверх через окно машины, можно было увидеть, как облака распадались на бесчисленные черные полосы, между которыми капал дождь, размытые до такой степени, что их невозможно было различить.

Время от времени пролетала стая птиц, их крики звучали хрипло и печально.

Автомобиль въехал на территорию вилл, где находился дом Ли Тана. Водитель резко затормозил, разбудив Чжан Чжаоюэ, которая отдыхала на заднем сиденье.

Ли Тан спросил:

— Что случилось?

Водитель сказал:

— Извините, я просто увидел что-то на дороге и неосознанно нажал на тормоз.

Открыв окно машины, чтобы посмотреть, по дороге на самом деле ползали несколько змей, словно спасаясь бегством.

Все было настолько ненормальным, что становилось тревожно.

Поэтому, когда машина остановилась перед его домом и они вышли, Ли Тан взял Чжан Чжаоюэ за руку, сказав ей пока не заходить в дом.

Его интуиция оказалась верной. И действительно, не прошло и пяти минут, как земля внезапно сильно затряслась, деревья закачались, под грохот ветра. Здания перед ними тоже сильно затряслись.

Это было землетрясение.

Ли Тан, родившийся на севере, пережил свое первое землетрясение с такой силой, что чуть не лишился чувств. Он сосредоточился только на том, чтобы поддержать мать, и побежал в более открытое пространство.

К счастью, плотность застройки в этом районе была низкой, и высотных зданий не было. Соседи, почувствовав движение, вышли из своих домов по двое-трое и собрались на открытой площадке перед зданием общественного клуба. Администрация недвижимости отреагировала оперативно, немедленно выделив охрану для поддержания порядка и обеспечения безопасности жильцов.

Суйчэн находился в сейсмическом поясе. По сравнению с другими провинциями и городами, землетрясения с заметными толчками здесь случались довольно часто. Поэтому все к этому привыкли. После десятисекундной тряски, за исключением нескольких детских криков, почти никто не запаниковал и не закричал.

Чжан Чжаоюэ похлопала Ли Тана по руке, успокаивая его:

— Все в порядке, скоро все будет хорошо.

Но как только спокойствие вернулось, сердце Ли Тана забилось от волнения.

Он поспешно отдернул руку, сунул руку в карман, чтобы потрогать телефон и убедиться, что сигнал все еще есть, и первый номер, который он набрал, был Цзян Лу.

В жилом районе у подножия горы в западной части города.

Землетрясение полчаса назад заставило всех жителей покинуть свои дома. Из-за близости горы это было опаснее, чем на ровной местности. В это особенное время все собрались на дороге, а сотрудники дорожной полиции уже прибыли для поддержания порядка, оцепив проезд транспорта.

Тем не менее, это привело к пробке. Машины разных размеров стояли вплотную друг к другу, образуя очередь протяженностью более километра.

Цзян Лу выбежал на улицу, как только почувствовал подземные толчки, и какое-то время оставался на обочине дороги вместе с соседями. Почувствовав себя в безопасности, он вернулся первым.

Хотя в этом районе все дома были невысокими, это были старые кирпичные дома, построенные более двадцати лет назад и обветшавшие за годы воздействия непогоды. За исключением нескольких домов, которые недавно укрепили или отстроили заново, почти все дома пострадали от землетрясения.

Северная стена дома Цзян Лу треснула, образовав шов шириной в два пальца сверху донизу. Фундамент также немного просел. Внутри немногочисленная мебель сдвинулась с места от тряски, несколько чаш разбились о пол, а стопка книг на столе опрокинулась.

Цзян Лу, с детства живший в Сюйчэне, был знаком с землетрясениями. Говорили, что утраченные сенсорные способности компенсируются чем-то другим. Из-за глухоты на левое ухо его чувство равновесия обострялось особенно остро. Всякий раз, когда сталкивался с сильным землетрясением, он всегда чувствовал его быстрее других, хватая бумажник на столе и выбегая. Его удостоверение личности лежало внутри, и он также открыл ящик, чтобы достать фонарик.

Электричества действительно не было. Небо было темным, к тому же лил дождь. Проверив свой дом, соседский дядя попросил Цзян Лу помочь осветить территорию. Он подошел, чтобы посветить фонариком, помог дяде установить тростниковую палатку и спасти застрявших под ней кур.

Затем он обеспечил освещением владельца магазина, помогая ему найти мобильный телефон под прилавком. Сын владельца учился в университете в административном центре провинции, недалеко от Сюйчэна. Поскольку эпицентр землетрясения все еще не был известен, он беспокоился о безопасности сына и был вынужден немедленно связаться с ним.

Выполнив эти дела, Цзян Лу вернулся. Фонарик, которым долго не пользовались, светил слабо, не так ярко, как фонарь-кролик у двери.

Подойдя и подняв глаза, он увидел человека, стоящего рядом с кроличьим фонарем.

Ли Тан пришел сюда.

Машина застряла на полпути, поэтому он быстро вышел и пошел пешком.

Неспортивный Ли Тан чередовал бег и ходьбу, продвигаясь медленно. Сбавляя темп, он звонил, но аккумулятор его телефона был почти разряжен, и он не мог дозвониться.

Он запаниковал и хотел вызвать полицию, но в это время полиция была занята на дороге. Когда Ли Тан обратился к ним за помощью, он получил лишь ответ:

— Спасательная операция и эвакуация продолжаются, пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Он мог прийти сюда только на собственных ногах. У подножия горы было так темно, что он споткнулся и упал, но Ли Тан, не обращая внимания на боль, встал и продолжил путь.

Наконец, прибыв к дому Цзян Лу, он постучал, но не получил ответа.

Ли Тан не осмелился уйти далеко, ожидая у двери. В этот момент, заметив приближающуюся неясную фигуру, он не был до конца уверен. Пока он не подбежал ближе и не разглядел отчетливо лицо человека, Ли Тан глубоко вздохнул с облегчением.

Все тревоги и беспокойства трансформировались в чувство несправедливости.

Ли Тан шмыгнул носом, задыхаясь.

— ...Почему ты не отвечаешь на мои звонки? Ты знаешь, как я волновался?

Цзян Лу был ошеломлен.

Слабого света фонарика было достаточно, чтобы осветить стоявшего перед ним человека.

Ли Тан был одет в белый свитер и черные брюки, одежда и обувь были испачканы грязью. Рука, державшая телефон, висела вдоль тела, а на тыльной стороне ее виднелся темно-красный след, предположительно, от пореза и ссадин. Неизвестно, сколько времени он провел под дождем, волосы были мокрыми, пряди слиплись, а лицо, словно он кусал губу, чтобы сдержать слезы, выглядело совершенно несчастным.

Видеть Ли Тана в таком состоянии должно было быть приятно.

Но, казалось, будто прошел легкий ветерок, подняв огромные волны в изначально пустой груди Цзян Лу и отозвавшись эхом внутри.

Не думая, что сказать, Цзян Лу протянул руку, схватил Ли Тана за руку и позволил ему оказаться в его объятиях.

В этот момент Цзян Лу посетила абсурдная мысль, словно он был монстром, долго спавшим во тьме, который случайно получил искру, уловил проблеск света и не смог устоять перед соблазном снова и снова приближаться.

За ветер, который больше не был резким, за яркий и теплый уют.

— Не будь ко мне так добр, — вздохнул Цзян Лу, коснувшись губами замерзшей мочки уха Ли Тана. — Как я могу это вынести...

«Как я могу продолжать причинять тебе боль?»

<http://bllate.org/book/13923/1226778>